

Ф. АНСЕЛО

Шесть месяцев в России: Письма к Ксавье Сентину, сочиненные в 1826 году, в пору коронавания Его Императорского Величества <Фрагмент>

<...> Крепостной крестьянин¹ привязан к земле: его продают вместе с ней. Иногда людей продают отдельно, но правительство стремится препятствовать этому, поскольку, отрывая крестьянина от места, где он родился, от деревни, где сосредоточены все его душевные привязанности, у него отнимают единственное утешение, доступное его рабской доле. Помещик имеет два способа получать доход со своей земли. Либо он сдает ее крестьянам, налагая на них оброк с души, либо требует их отрабатывать три дня в неделю на полях, плоды с которых принадлежат ему целиком, а остальные три дня крепостной трудится на участке, достаточном для того, чтобы он мог прокормить себя и свою семью². В тех случаях, когда помещик владеет плодородными полями, их возделывают крестьяне. Если же почва небогата, хозяин отпускает рабов на заработки и позволяет им заниматься, в деревне или в городе, любым ремеслом с условием выплаты ему определенной суммы в год. Таким способом крестьяне часто обогащаются и тогда стремятся получить свободу, которую хозяин им продает, после чего они переходят в разряд вольных крестьян. Каково бы ни было заработанное крестьянином состояние, он не имеет права от своего имени владеть землями и людьми. Иногда, однако, они совершают такие приобретения, но на имя помещика, целиком полагаясь на его добрую волю в будущем. Впрочем, практически не известно случаев, чтобы

господа воспользовались преимуществами такой покупки и лишили своих подданных плодов их труда³. Не кажется ли тебе поразительной, дорогой Ксавье, идея совмещения роли раба и властелина?

Казенные крестьяне, т. е. те, что возделывают земли, принадлежащие императору, свободны⁴. Они подчиняются земской полиции, государственным законам и не состоят во власти господской прихоти. Они платят за аренду земли и вовсе к ней не прикреплены. Их положение, таким образом, было бы во всех отношениях выгоднее положения крестьян господских, если бы полиция, не получающая достаточного жалованья, не притесняла их. Нельзя не отметить, что управление этой обширной империей требует немедленных и значительных улучшений. Например, жалованье чиновников, совершенно не сопоставимое с их потребностями, делает лихоимство почти повсеместным. Как может правительство наказывать взяточников, когда оно не дает своим служащим достаточных средств к существованию? Размер жалованья был установлен для различных чинов при Екатерине и не менялся с тех пор. Однако тогда рубль стоил четыре франка, теперь же равняется одному. Таким образом, чиновник, получавший тысячу рублей в год, при том что и все необходимые предметы стоили дешевле, реально располагал доходом вчетверо большим, чем сегодня. Будем надеяться, что император Николай I, уже обнаруживший благородные намерения, обратит свой внимательный взгляд на эту важную область правления. Здесь говорят, что страшные злоупотребления заставили правительство начать серьезное расследование в Кронштадте. К моменту начала следствия все флотские склады были сожжены, и в Петербурге подозревают, что виновные закрыли свои дела так же, как некогда кардинал Дюбуа* свою переписку. Конечно, ты понимаешь, что я излагаю только общее мнение, но независимо от его истинности понятно, что методы правления, принятые в этой стране, дают повод к подобным подозрениям или, по крайней мере, извиняют их. Но вернемся к крепостным крестьянам.

Эти люди ощущают всю тяжесть своего положения, и слово «свобода» звучит подчас в их жалких деревянных хижинах. Но как же понимают они свободу? Они воображают, что, разбив

* Дюбуа Гильом (1656–1723) — в сане аббата воспитатель будущего регента Филиппа Орлеанского, позднее дипломат.

цепи их рабства, государь дарует им также и участки земли, которые возделывали еще их предки и на которых они трудятся по сей день. Они привыкли считать своими эти поля, где покоятся их отцы и где родились их дети. Для них быть свободными означает обладать. Будет нелегко объяснить им, что император не может отобрать у их господ принадлежащие им наделы, хотя это нисколько не препятствует их освобождению. Если же указ монарха отнял бы у дворян абсолютную власть над крестьянами, дарованную ей Борисом Годуновым, то помещики, владеющие плодородными землями, нисколько не пострадали бы от этой меры, получив батраков вместо крепостных, и доходы их, возможно, даже увеличились бы. Но те, чьи угодья плохо поддаются обработке, разорились бы, ибо, обладая землей без людей, они оказались бы лишены своего единственного состояния, так как все их богатство складывается из оброка, который принадлежащие им крестьяне платят с отхожих промыслов.

Я уже сказал, что крестьян угнетает их положение, однако не все они находятся в равных условиях. Участь тех, кто принадлежит состоятельным людям, владеющим тысячами душ, легче. Ими управляют с отеческой заботой, над ними не тяготеет необходимость тяжелого труда, им не угрожает произвольное повышение размера оброка, поскольку при большом числе людей сравнительно небольшого оброка с каждой души хватает, чтобы удовлетворить любые прихоти хозяина. Владелец же небольшого состояния, распоряжающийся лишь несколькими сотнями жизней, в стремлении позволить себе ту же роскошь, что его владетельный сосед, облагает своих подданных гораздо более суровой данью. Принужденные к труду, часто непосильному, эти несчастные посвящают весь свой труд господину, и кусок черного хлеба, поддерживающий их жалкое существование, считается едва ли не украденным у него.

Армию правительство формирует, набирая определенное число рекрутов с пятисот человек, либо крепостных, либо государственных крестьян⁵. Когда подходит время рекрутского набора, хозяева, чтобы компенсировать предстоящую потерю, спешат обвенчать нескольких неженатых мужчин, особенно тех, кто по возрасту годен к солдатской службе, чтобы, покинув деревню, куда они, может быть, уже не вернутся, они оставили хозяину, по крайней мере, надежду на замену себе.

Мне поведали об обычае, который показался мне поначалу маловероятным, но, так как у меня нет никаких оснований подозревать во лжи тех, от кого я о нем узнал, я принужден был поверить. Говорят, что когда во владениях какого-нибудь помещика родится намного больше девочек, чем мальчиков, то, получая переизбыток этих неполноценных созданий (основное богатство составляют мужчины), хозяин легко находит выход из создавшегося положения. Достигших зрелости девочек он выдает замуж за принадлежащих ему маленьких мальчиков, а чтобы как можно скорее получить плоды от этих преждевременных браков, поручает отцу мальчика, пока тот не подрастет, выполнять обязанности сына. Говорят, что из всех приказов этот выполняется крестьянами с наибольшей радостью. В таких случаях, которые я хотел бы считать крайне редкими, крестьянин, выполняющий одновременно совершенно различные обязанности, оказывается одновременно и дедом, и отцом детей своего сына, а последние оказываются братьями мужа своей матери*. Уверяют также, что эти супруги *in partibus*** достигнув возраста, когда они могут вступить в свои права, стараются как можно раньше женить мальчиков, которыми их наградил их *interim****, с тем чтобы оказать своим сыновьям благодеяние, полученное ими от своих отцов. Итак, ты видишь, что потребности помещика, владеющего большим числом людей, могут иметь серьезные нравственные последствия: вот до чего могут довести варварские установления!

Набирая крестьян в армию, тщательным образом исследуют их физическое состояние, но при этом нисколько не интересуются нравственным: поскольку в полку за средствами исправления дело не станет, помещики отдают в армию всех плутов и злодеев. В годы, когда набора нет, они имеют другое средство избавиться от людей, страдающих пагубными пороками, отдавая их правительству для определения в армию и получая за это расписку. Отданный таким образом крестьянин зачтется при ближайшем рекрутском наборе. Вот почему в этих огромных лесах и часто необитаемых бескрайних равнинах, где должны были бы, казалось, часто встречаться

* Об этом обычае, ссылаясь на книгу английского путешественника В. Кокса, писал Ф. де Миранда (см.: *Миранда Ф. де. Российский дневник. М., 2000. С. 76*).

** Отчасти (*лат.*).

*** Заместитель (*лат.*).

разбойники, без труда скрывающиеся от правосудия, на самом деле можно путешествовать безопасно.

Очень часто повторяют, дорогой Ксавье, как это сделал и я, что в России существует только два класса, хозяева и рабы. Это, однако, не совсем так: есть сословие, худо-бедно заполняющее огромное пространство, отделяющее тех, кто может все, от тех, кто не может ничего. Если этот класс недостаточно многочислен и недостаточно уважаем, чтобы его можно было сразу заметить, внимательному взору все же открывается его существование. Стремясь создать в России третье сословие, императрица Екатерина объявила специальным указом, что любой государственный крестьянин, располагающий сбережениями, достаточными для занятия каким-либо промыслом, имеет право уйти из своей деревни, переселиться в город и записаться в мещане. Поскольку то же самое разрешено вольноотпущенным крестьянам, число мещан растет день ото дня. Затем следуют три категории купцов, именуемые первой, второй и третьей гильдиями, каковые определяются ценой оплаченного патента. Входящие в первую гильдию располагают почти теми же привилегиями, что и дворянство, т. е. могут владеть землей и крестьянами, тогда как принадлежащие к двум другим могут приобретать лишь дома или имущество без людей, как и мещане. Последние, кроме того, обязаны представлять рекрутов в армию, тогда как купцы после уплаты определенной суммы в казну освобождаются от действительной службы.

В России нередко можно встретить дворян, отцы которых — крепостные, и вот как объясняется это удивительное явление: по протекции господина сын крестьянина может быть определен в военную школу, закончить ее в чине прапорщика, поступить на службу — вот вам и дворянин!⁶ Странно то, что, обращаясь к нему письменно или устно, его должно называть «ваше благородие», что означает «вы, принадлежащий к дворянскому роду»; однако в то время, как сын получает этот комплимент, отец его, быть может, получает удары кнута <...>

